

МИХАИЛ КУКОБАКА

Рабочий, публицист,
политический заключенный

Публикуемый ниже материал представляет собой монтаж из статей, писем и заявлений политзаключенного Михаила Кукобаки, в настоящее время отбывающего срок в лагере ВС-389/36 в пос. Кучино Пермской области. Некоторые тексты печатаются полностью, другие — в больших отрывках. Это не просто тексты. Каждый из них — это еще и "преступление". Именно за них Михаил Кукобака отбыл в разное время почти 15 лет в психбольницах, тюрьмах и лагерях. Таким образом, наша подборка — это не только портрет (точнее — автопортрет) политзаключенного. Это еще и своеобразный портрет рабоче-крестьянского государства в его взаимоотношениях с рабочим-металлистом, которого "черт догадал родиться в этой стране с умом и талантом".

Михаил Игнатьевич Кукобака, белорус, родился в 1936 г., в Бобруйске. Его отец погиб в советско-финской войне в 1939 г. Мать с началом немецкой оккупации Белоруссии в 1941 г. ушла в партизанский отряд, где была тяжело ранена. Она умерла в инвалидном доме. Михаил жил у бабушки, в небольшой деревне Вавуличи под Бобруйском. Об этих послевоенных годах М.Кукобака вспоминает в своем очерке "На свидании с детством", написанном в 1977 г.

Вавуличи, далекое детство мое... Особенno трудными были две послевоенные зимы. Отец не вернулся, бабка говорила — без вести пропал. Мать вернулась калекой, долго скиталась по госпиталям. Уже будучи в детдоме, в 1947 году, увидел ее — приходила на костилях. Умерла она раньше бабушки.

В общем, одни мы были с бабушкой, на всем свете одни. Бабка милостыню просить стеснялась, очень гордой была. Что дадут за какую работу, и ладно. Приносила очистки картофельные, около солдатской кухни собирала. Бывало, если какой солдат догадается, то и пару целых картофелин принесёт. Много тогда голодных было. Помню, зашла к нам переночевать одна нищенка (мы и сами жили у чужих). Как вывалила она полную сумку корок хлебных на стол — самым богатым человеком на свете мне показалась. Объелся я тогда, еле отходили. Да, нелегкие это были зимы, с 44-го на 45-й и с 45-го на 46-й год. Всеми, наверное, болезнями я тогда переболел: и золотухой, и "куриной слепотой", и воспалениями разными. Врачей не знал. Бабка от всего сама лечила,

как могла. Она неграмотная была и все мечтала, как бы я "ученым" стал. Особенно хотелось ей, чтобы "дохтор" из меня вышел... В 1946 году подготовила обувку мне (лапти), сшила тетрадь из оберточной бумаги, карандаш достала и отправила в школу. Помню, два дня походил я, а потом бросил. Стеснялся я очень. В Вавуличах тогда большая воинская часть стояла, и большинство школьников оттуда ходило — офицерские дети. Девочки в шубках, мальчики в шапках теплых, в ботинках или сапогах. А у меня — буденновка, одежка хилая — что-то перешитое из трофейных тряпок, и лапти, с которыми только и делал, что воевал. То веревки размотаются, то еще что-нибудь... В общем, никакие бабкины уговоры не помогли, уж очень я на эти лапти в обиде был.

Вот тогда-то и решила бабушка отвезти меня в бобруйский детдом, понимая, что здесь, в деревне, с учебой у меня все равно ничего не выйдет. К тому же почти у всех ребят хоть какие-то книги, особенно у офицерских детей, у меня же одна самодельная тетрадь да карандаш.

Ах, если бы не лапти эти, да не зима, то можно бы, пожалуй, и без детдома обойтись! А то ведь так и пошло: от детдома до тюрьмы — по чужим, по казенным домам...

Михаил провел в Вавуличах всего несколько лет — бабушка была вынуждена отдать его в 1946 г. в детский дом, ибо у нее самой не было средств к существованию, не то что прокормить ребенка. Тем не менее, Вавуличи навсегда остались в памяти М. Куокбака как символ родины, как сама эта родина.

С годами я все чаще возвращался мыслями к этой деревушке. Жажда встречи становилась непереносимой. И вот, наконец, спустя 30 долгих лет, соскочив с бобруйского автобуса, иду я проселком в родные места. Впрочем, Вавуличей теперь нет, есть деревня Дубовка, вот она — столб с надписью стоит.

Когда-то, еще до октябрьского переворота, местный крупный землевладелец, или помещик, как называем по привычке, хотел построить здесь сахарный завод. Возвел главный корпус и несколько подсобных. Думал даже провести железнодорожную ветку от ближайшей станции Савичи, отсыпал насыпь до самой деревни.

Гражданская война спутала планы. Так и простояло это заложенное неизвестным промышленником сооружение до сих пор без применения. Разве что колхоз использовал его под склады да конюшни. Вот по этому зданию из добротного красного кирпича (теперь такого не делают) я и узнал место своего детства. Рядом находился огромный фруктовый сад (тоже старый, поместный), при немцах он был бесхозным, и мы, мальчишки, кормились в нем вволю в те голодные годы. Теперь сад вырублен и даже выкорчеван. Говорят, стал "нерентабельным" для колхоза. Но ведь взамен — ничего! Ни луг, ни пашня — просто исковерканная, обезображенная земля...

Дорога от деревни до станции была как большая живописная аллея из столетних елей. Они пережили и гражданскую войну, и бомбежки последней. Увы, сейчас я насчитал всего 4 дерева. Оказывается, одному из послевоенных председателей колхоза захотелось построить себе новый дом, и он приказал спилить эти деревья. Председателя давно уже нет, ушел на пенсию, только в память о нем торчат из земли полусгнившие пни.

Вокруг деревни, помню, шумели необозримые леса, грибов там разных было, ягод — хоть отбавляй. Сейчас почти сразу за оклицией — шлагбаумы, запретная зона: рядом с Вавуличами, тесня деревню, расположился огромный полигон. Автоматный и пулеметный треск днем и ночью. А когда палят из "штатных" орудий, как объяснил мне какой-то школьник, то в деревне часто стекла вылетают из окон. Военщина готовит пушечное мясо для новой войны!

Уже в черте полигона мое внимание привлекло озеро, которого не было раньше, и какое-то заброшенное строение рядом с ним. Сочетание показалось странным: по виду — бывший жилой дом, а стены железобетонные, мощные, словно у ДОТа. И такое же перекрытие — не всякий снаряд пробьет.

Оказалось, это — бывшая генеральская дача. Для него и озеро было вырыто, и баня рядом построена (тоже железобетонная), с водопроводом. Специальный насос качал воду из озера для дачных нужд. Все это было огорожено колючей проволокой и охранялось, запретная зона!

Генерал давно съехал: то ли перевели, то ли сам лучшее место нашел. Рассказывают, что когда на время снимали охрану, дачу дважды сжигали, видимо, из мести. И стоит теперь одиноко этот железобетонный скелет, заброшенный, с пустыми глазницами вместо окон и дверей — порождение чьего-то бредового ума. А озеро называется Тарасовским — по фамилии начальника полигона, который руководил работами. В озере водится рыба. Так как оно расположено на границе полигона, сюда забредают с удочками колхозники, особенно молодежь. Охрана, конечно, гоняет их, т.к. озеро считается собственностью полигона. Иногда приходят солдаты, эти уже не с удочками, — глушат рыбу взрывчаткой, и тогда поверхность озера белеет от дохлятины.

Километрах в трех от Бавулич-Дубовки — село Телуша. Там есть большая церковь, силуэт которой хорошо виден отсюда. Я направился к ней. Вспомнил, как бабушка водила меня туда на какой-то праздник в том далеком 1946 году. Народу в церкви было тьма.

Оказалось, что церковь давно закрыта. Все проржавевшее, полусгнившее. Кладка осыпается, двери проломаны. Пробираюсь через пролом внутрь. Господи! Все, что можно сломать — сломано. Пол покрыт птичьим пометом и тысячами пробок от винных бутылок. И все кругом загажено, уже не птицами. Церковь используется как туалет. Еще бы, ведь рядом — клуб и продовольственный магазин, в котором я насчитал 9 сортов разных вино-водочных изделий. Так что все вместе пьют, едят и оправляются...

Я выбрался на свежий воздух. Метрах в двадцати от церкви — обелиск со звездой и трафаретной надписью: "Геройски погибшим в 1941—45 гг..." Но меня поразило другое. Неподалеку от казенного монумента, в пределах бывшего церковного двора, — скромная мраморная плита, на которой высечена четкая надпись:

Наталья Александровна
ПУШКИНА
по мужу
ВОРОНЦОВА-ВЕЛЬЯМИНОВА
3 декабря 1912 г.
53 года

Какой-то иной волей повеяло от этой, видимо, случайно сохранившейся могилки. Правда, все это тоже огорожено аляповато сваренным металлическим заборчиком с облупившейся краской... Это что, внучка ПУШКИНА? Но как оказалась здесь, в белорусской глупши?

Бавуличи, память моя!... А вот бабушкиной могилки и не сыскать нигде. Где она умерла и даже когда точно — я не знаю. Она ведь после войны вроде как без постоянного места жительства была — где кто приютит, там и поживет несколько дней. И перевивалась кое-как, чужим куском. До войны она получала пенсию по инвалидности, а во время войны пропали документы, и в пенсии отказали... Так что моя бездомность, видимо, по наследству ко мне перешла. Точно так же, как другие получают по наследству квартиру, имущество, даже профессию. В общем, что бы там философы ни гово-

рили, а в жизни, в большинстве случаев, как счастье, так и несчастье — по наследству достаются.

Когда я уезжал, дул холодный порывистый ветер, моросил дождь. С тяжелым чувством покидал я свою, теперь уже бывшую, родную деревню. Раньше только одно воспоминание о ней, о тех далеких днях детства задевало самые чувствительные струны моего сердца. И все эти 30 лет меня тянуло сюда — посмотреть и вспомнить что-то. И жгла боязнь: а вдруг не успею? Теперь все это умерло. Видимо, для чувства Родины недостаточно одного факта рождения в какой-то географической точке на земле. Нужны еще какие-то связи, и если они оборваны...

В 1953 г. Михаил Кукобака окончил ремесленное училище, затем работал на стройках в Сибири, отслужил в армии. Окончил вечернюю школу. Работал электриком, то-карем, слесарем-прибористом.

21 августа 1968 г. войска стран Варшавского договора совершили интервенцию в Чехословакию. На следующий день М.Кукобака, который тогда жил в Киеве, пришел в чехословацкое консульство, чтобы выразить свое возмущение действиями СССР и солидарность с чехословацким народом. С этого шага началось "диссидентство" М.Кукобаки, хотя тогда это слово еще только-только входило в оборот, и сам Михаил так себя никогда не называл. Вскоре М.Кукобака в первый раз отказался от участия в выборах, вышел из профсоюза, перестал ходить на субботники и другие подобного рода мероприятия.

12 апреля 1970 г. в г.Александрове Владимирской области М.Кукобаку арестовали по обвинению в "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй". В вину ему ставили "клеветнические" разговоры среди рабочих и написание открытого письма английскому писателю Айвору Монтею в защиту писателя-невозвращенца Анатолия Кузнецова.

Следствие было уже почти закончено, дело закрыто, когда М.Кукобаку неожиданно перевели во Владимирскую тюрьму, где следователь майор Евсеев потребовал от него, в обмен на освобождение, дать показания о якобы имевших место его встречах со статс-секретарем посольства ФРГ в Москве (разумеется, с антисоветскими целями). М.Кукобака наотрез отказался и был направлен (майор Евсеев не скрывал, что в отместку) на психиатрическую экспертизу в институт им.Сербского в Москву. После этого с диагнозом "параноидная шизофрения" М.Кукобака был помещен в Сычевскую спецпсихбольницу. Там он провел около трех лет, да еще три года в -обычной психбольнице во Владимире. Освободился в мае 1976 г.

После освобождения вернулся в Белоруссию, в Бобруйск. Работал электриком на ТЭЦ, грузчиком комбината "Вторсырье". Уже через несколько месяцев он вновь попал в психбольницу (в обычную, не надолго) — за то, что давал другим читать Всеобщую декларацию прав человека. В 1977 г. — снова психбольница на два месяца — за то, что в общежитии над койкой повесил икону, портреты А. Сахарова и генерала П. Григоренко.

В этот период М.Кукобака начал активно писать. В самиздате появились его очерки (в том числе и тот, отрывки из которого мы привели выше), статьи, открытые письма. М.Кукобака пишет о проблеме прав человека, о спецпсихбольницах, о национальном вопросе, о проблемах разрядки. В завершенной статье (1977 г.) "Международная разрядка и права человека — неделимы" М.Кукобака писал:

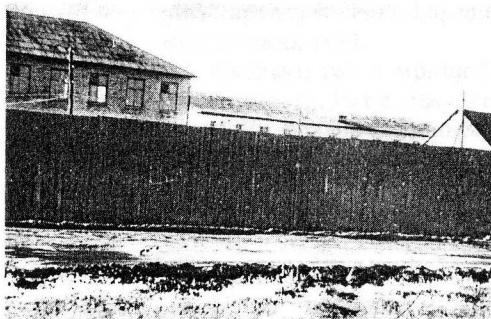
Если не обманывать самих себя, то надо четко уяснить, что без внутренней разрядки в самом Советском Союзе не может быть никакой надежной международной разрядки. Вряд ли кто станет оспаривать, что неофициальн

ный контроль за выполнением международных соглашений посредством разных спецслужб заинтересованных стран не может быть сравним по своей эффективности и доверию с гласным контролем со стороны внутренней оппозиции, со стороны самого народа.

Вот этого контроля за своими действиями, да и вообще всякого независимого контроля больше всего боятся Брежнев и брежневы. Отсюда и такая нервозность в заявлениях Джимми Картера.

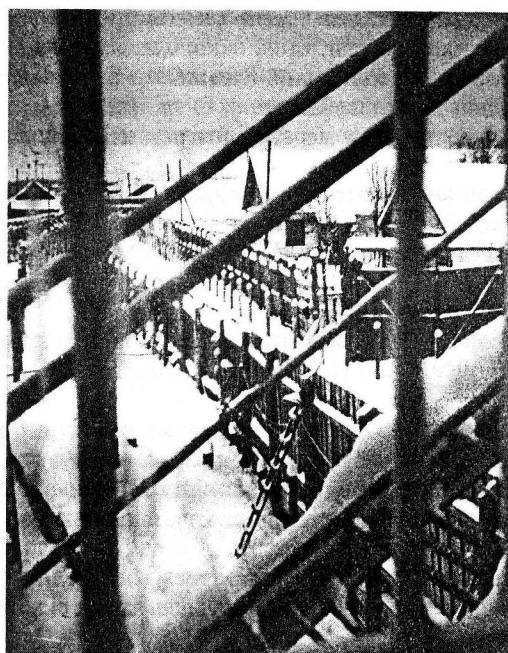
Вспомним, с чего начался ядерный "марафон". В июне 1946 года, когда еще только одни США имели ядерную бомбу, представитель этой страны при ООН Бернард Барух предложил план, по которому США отказываются от монополии на атомную бомбу и уничтожают ее запасы (тогда еще небольшие). Остальные страны должны прекратить разработку этого вида оружия и ликвидировать имеющиеся полуфабрикаты. Весь этот процесс предлагалось осуществлять под строгим международным контролем. Приятие этого плана избавило бы человечество от призрака ядерного самоубийства. Советское правительство отвергло этот план под предлогом "нарушения суверенитета". Истина здесь как на ладони. В самом Союзе полным ходом шли работы по созданию ядерного оружия. При советском образе жизни малейшая критика милитаризма в своей стране расценивается чуть ли не как измена родине, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому в необъятных просторах Сибири, Казахстана (благо, места хватает) на бесчисленных секретных заводах и полигонах можно бесконтрольно выпускать любое оружие и в любом количестве. От мировой общественности достаточно отмахнуться бумажными гарантиями. Вот это и есть "разрядка" по-советски.

Многие произведения М.Кукобаки попали на Запад. Кое-что было опубликовано, передано по радио. Белорусский рабочий зарекомендовал себя как незаурядный публицист. Пожалуй, по-настоящему имя М.Кукобаки получило известность после появления в 1978 г. его очерка "Украденная родина".

Вверху:
Сычевская психиатрическая больница,
где М.Кукобака содержался в 70-х гг.

Справа:
Пермский лагерь ВС-389/36,
где сейчас находится М.Кукобака

УКРАДЕННАЯ РОДИНА

Поезд подошел к Бобруйску ранним августовским утром. Среди суетящейся толпы пассажиров этот, бородатый, выделялся внешней нетропливостью. Сошел одним из последних, сдал чемодан в камеру хранения, а с оставшимся в руках портфелем снова вышел на перрон, как бы не в силах сразу расстаться с прошлым. На вид ему было около сорока. Редкая, но заметная седина проскальзывала в бороде и на висках. Под внешним спокойствием и медлительностью внимательный наблюдатель мог бы заметить какую-то внутреннюю напряженность. Это выдавали и глаза: тревожные и как бы что-то ищущие. Осмотревшись, приезжий медленно направился в сторону от вокзала.

Глядя со стороны, можно было подумать, что человек приехал в чужой, незнакомый город.

А правда, когда это было? И было ли?...

Мне шел семнадцатый год, когда в такой же августовский день, на этой же бобруйской платформе, нас, выпускников ремесленного училища, торопливо грузили в поезд. По распределению мы ехали возводить одну из строек коммунизма в далекой Сибири. Стойку эту мы возводили в гор. Ангарске, работая в одной зоне с заключенными, от которых отличались разве что своей молодостью.

Но сейчас я думаю о другом. Где-то здесь на улице Минской, рядом со школой имени Белинского, должен быть деревянный двухэтажный дом с большим двором, огороженным глухим забором. Вдоль забора — ряды деревьев. Где-то среди них — березка, посаженная моей рукой. Как говорила нам воспитательница, — чтобы оставить память на земле, чтобы было о чем вспомнить, когда вернемся сюда взрослыми... Вот и нужная мне улица. Но как они непохожи! — эта и та, которую помнил с детства. Словно два разных человека с одинаковой фамилией.

Бывшая моя школа на месте, а рядом — кирпичное здание с вывеской "школа-интернат". И никаких деревьев. Память стерта бульдозером. Вдруг позади интерната замечаю знакомый темно-коричневый дом. Он-то и нужен мне. Подхожу ближе. Стекла выбиты, окна заколочены досками. Рядом — длинное одноэтажное строение в таком же состоянии. Раньше это были так называемые рабочие классы. Здесь мы готовили домашние задания. Сюда же, спасаясь от недремлющего ока воспитателей, забирались, пролезая через форточку, в свободное время для игр и обсуждения своих маленьких детских тайн.

Сколько раз в мрачной одиночке Владимирского центра воскрешал я картины своей юности. Вот я сижу у окна в этом рабочем классе, то и дело украдкой поглядывая назад. Уж больно любопытная книжка у Сережки — "Янки при дворе короля Артура". "Дай глянуть! — шепчу я. "Кукобака, не вертись, сиди спокойно!" — обрывается строгий голос воспитательницы.

Сколько еще разных окриков предстоит услышать в жизни. "Не шевелись! Смир-ро!" Или годами позже: "Руки назад! Не оглядываться!" И лязг автоматов, и рычание конвойных овчарок...

...А в пещерном сумраке одиночки неспешно прокручиваются кадры далекого прошлого... После окрика воспитательницы я на секунду замираю. Но арифметика не идет на ум. За окном ноябрь. Огромные, мягкие снежинки тихо устилают землю, тронутую первым морозцем. Хочется на волю. На душе какое-то необъяснимое бунтарское настроение.

Шишка в окне уже проема, и я сдвигаю ее, увеличивая струю прохладного, щекочущего воздуха. Впереди меня сидит симпатичная девочка Раи Бойко, ей это неприятно.

"Мишка, не жадничай, давай по-честному!" — и она передвигает стекло на середину проема, раздваивая струйку свежего воздуха. Девочка мне нравится, но я упрямо передвигаю стекло по-своему.

Она злится. Повторный окрик воспитательницы прекращает нашу возню. Теперь, в этой душной, мрачной камере мне жаль давнего упрямства, и я охотно бы уступил той девочке, перенесясь через годы назад...

— Извините, вы по поводу сноса этого дома?

Я вздрагиваю и ошарашенно смотрю на человека средних лет, по виду похожего на мастера-строителя. Не в силах сразу вернуться к действительности, растерянно бормочу: "Нет, нет, я посторонний."

Он с недоумением оглядел меня, скользнул взглядом по мятому, изрядно поношенному костюму и запыленной, давно не чищенной обуви. Его лицо, только что выражавшее доброжелательность, стало раздраженным, даже злым. Но ничего не сказав больше, он повернулся и затрусил рысцой, деловито покрикивая что-то начальственное стоявшим у грузовика рабочим.

Некоторое время раздумываю, чем я мог привлечь его внимание. Ах да! Мой портфель, да борода под канадского шкипера прошлого века и берет. Видимо, этот не совсем обычный для провинции внешний вид и создал иллюзию начальства. А преклонение перед начальством на Руси — общеизвестно. Это национальная черта. Если вы в шляпе, в очках, да еще с портфелем — сто процентов гарантии, что в любом учреждении к вам отнесутся предупредительнее и в любом магазине обслужат приличнее, чем гражданина без перечисленных атрибутов. Такова уж психология советского человека!

Я подхожу к дому и осторожно, раздвинув доски на заколоченной двери, пролажу внутрь. Поднимаюсь по лестнице. Мимо с испуганным визгом проносятся две собаки и выскаивают наружу. Кругом запустение и кучи мусора. Полы сорваны, а все, что можно разломать, — разломано. Поднимаю с пола пару школьных тетрадей. Даты на них двух-трехлетней давности. Тут же лежит маленький носовой платочек с нарисованным зайчиком. Уж не моей ли Раи? Помню, что здесь были наши спальни. Справа мальчики, слева девочки. А внизу, под лестницей, стоял большой бачок — параша, общая для всех. Маленькая сцена — здесь наша самодеятельность ставила спектакли. В хоре разучивали бесчисленные песни о Сталине, "Москву-Пекин". Здесь же устанавливали новогоднюю елку. Средних размеров комната, тогда она казалась мне большим залом.

Я вылез наружу и отряхнувшись зашагал к центру. С каждой минутой росло чувство тревоги. Как будто чего-то не хватало в облике города, который я многие годы хранил в своей душе. Ощущение было сродни тому, как если бы из комнаты неожиданно и незаметно убрали какую-то дорогую для вас вещь. К примеру, любимую картину. Раньше этот предмет так долго находился на глазах, что вы просто перестали его замечать. Но вот вы вошли и почувствовали легкое беспокойство. На первый взгляд все как будто на месте. Вы осматриваетесь вокруг, не замечая пустоты на стене. В первые секунды мозг как бы дорисовывает отсутствующий предмет с образа, запечатленного в памяти. Но беспокойство и тревога нарастают. И вдруг ваш блуждающий взгляд словно магнитом притягивается к зияющей пустоте.

Давно должны были показаться маковки многоглавого собора — главной достопримечательности города. Вот и кинотеатр "Товарищ"... Странно, ведь собор должен быть где-то здесь, со своей чугунной оградой и несколькими яблонями за ней. Передо мною просторный сквер. Я вхожу в него и вдруг, сквозь деревья, замечаю округлый выступ стены из потемневшего от времени кирпича. В волнении ускоряю шаг, поднимаю голову и... ничего не понимаю! Над остатком фундамента и частью задней стены бывшего собора возвышается несуразная коробка с серой потрескавшейся штукатуркой на фасаде. В изумлении осматриваю это странное сооружение. Вывеска гласит:

"Спортивный комплекс. Построен в 1967 году в честь 50-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции."

Вот как отметили юбилей захвата власти местные хозяева-коммунисты! Таким же варварством, как и полвека назад.

В детстве и юности наши воспитатели насмешками и долгими нудными лекциями вырабатывали в нас ненависть и презрение ко всему религиозному. В пионерах и в комсомоле я тоже не избежал этой "промывки мозгов". Но были и другие, незапланированные уроки. Монотонность и скука полуказарменной жизни иногда так надоедали, что многие из нас убегали из детдома в "самоволку". В эти редкие часы свободы мы жадно впитывали жизнь окружающего города, незнакомую и обычно недоступную для нас.

И тогда мы видели, как много людей было, особенно в праздники, у собора. Но без базарного шума и толкотни, все были ласковы и приветливы друг к другу, даже незнакомые. У входа с покорной терпеливостью стояли и сидели старики и старушки, больные и калеки. И мы видели, что люди, которые входили в этот необычный дом или выходили из него, всегда подавали страждущим. Кто монетку, а кто просто кусок хлеба. Ведь время было голодное. Эти люди, их называли верующими, были гораздо добнее тех, что равнодушно проходили по улице мимо протянутой руки безногого инвалида.

Верующие... Верящие в добро и справедливость люди.

И сразу как-то тускнело красноречие платных воспитателей перед наглядной правдой жизни.

И вот собора нет. Остались обломки: часть фундамента и стены, приспособленные для чужого тела и чужой цели. Душу храма умертвили. А ведь сколько поколений жителей города прошло мимо соборных стен! Всесокрушающий ураган последней войны пронесся, пощадив собор. Ребенком я с благоговением гладил замшелую грань старой кладки, и мне казалось, что я прикасаюсь к седой древности. А если в тихий солнечный день я смотрел на купол главной звонницы, плывущий в небесной синеве, то как будто слышал нежный, мелодичный звон.

Может и не был этот собор таким древним, чтобы привлекать толпы зарубежных туристов, но он был историей этого города, его памятью и душой. С тяжелым чувством я уходил от каменного трупа. Позже я узнал, что такая же участь постигла и католический костел, стоявший неподалеку от стадиона. На его фундаменте теперь воздвигнуто здание строительного треста.

Неожиданно я подумал о Париже. Нет, конечно же, я не был в этом городе. Но я знал Париж по книгам Гюго, Бальзака, Дюма, по беглым заметкам советских журналистов. И я подумал, что если бы воскресить парижанина, умершего двести, даже четыреста лет назад, то он вошел бы в сегодняшний Париж, как в город своего детства. Он смог бы бродить по знакомым улочкам и площадям. Он узнал бы все древние соборы и дворцы. И сказал бы с полным основанием: "Да, это мой родной город. Его нельзя спутать с другим, ибо Париж неповторим."

Равнодушным взглядом я скользнул по взгромоздившемуся на бетонный постамент танку — памятнику какому-то генералу-танкисту, который, видимо, первым ворвался на этом танке в освобождаемый от немцев Бобруйск. Но память подсказывает и другое. Такие же генералы и на таких же танках врывались в страны Прибалтики, в Бессарабию и Польшу. А уже после войны давили людей на улицах Будапешта и Праги. Да что там Прага, а собственный Новочеркасск!

Позже я узнал, что для разрушения собора вызывали такой же танк из соседней части. Но не смог он осилить старины. Пришлось применить взрывчатку.

И вовсе неожиданная мысль пришла. На этом постаменте бессмысленно ржавеет 32 тонны, видимо, неплохой стали, а в Бобруйске да и во всем районе в магазинах — ни утюгов, ни ножниц никаких. Да, если бы все те средства, что идут на раздувание военного психоза, обратить на пользу людям! Многих можно было бы получше одеть и накор-

мить, а бездомные получили бы крышу над головой и не скитались бы по чужим углам да по казармам-общежитиям...

После раздумий у танка я забрел на кладбище. Оно заметно разрослось, стало теснее. Помню, здесь была небольшая деревянная церковь. На мой недоуменный вопрос какая-то пожилая женщина, поправлявшая могилку, рассказала, что церковь сгорела несколько лет назад при весьма странных обстоятельствах. Пожар начался ночью, неожиданно и сильно. Когда жители ближайших домов и верующие бросились тушить, то откуда-то появилось оцепление из милиции, и никого не подпустили к месту пожара.

Покинув кладбище, я уже не пытался искать что-то памятное в этом городе.

Спускаясь к железнодорожному переезду, что на улице Бахарева, заметил предупредительную надпись у шлагбаума: "Берегись поезда!" И сразу вспомнилось: а ведь 25 лет назад здесь было написано: "Сцеражыся цягніка!" и только внизу — русский перевод.

Теперь белорусская фраза исчезла. К собственному удивлению, меня это неприятно задело. Неожиданно я осознал себя белорусом. Ведь здесь испокон века жили мои деды и прадеды. Сама земля эта состоит из праха бесчисленных поколений моих сородичей. И я, их потомок, имею неоспоримое право не только на эту землю, но и на свой родной язык, на право быть белорусом.

Теперь, уже сознательно, я стал рассматривать надписи на вывесках магазинов, учреждений. Подавляющее большинство их — на русском языке. И лишь заметный белорусский акцент у прохожих напоминает, что ты находишься не в Костроме или Иваново. На базаре иногда можно услышать белорусскую речь. Эти, видно, из деревень приехали. Все же плановая ассимиляция полностью еще не завершена, хотя ее успехи очевидны.

Позднее я побывал в Минске. Там картина иная, русских вывесок мало. Но ведь Бобруйск не столица. Доступ иностранцам сюда закрыт, а потому можно беспрепятственно и неуклонно стирать "чужой земли язык и нравы".

Похожую систему плановой русификации я наблюдал и на Украине. Но, к чести украинцев, они гораздо упорнее отстаивают национальную самобытность от посягательств "старшего брата". Хотя силы слишком неравны. И они часто поминают недобрый словарем своего "нерозумного сына" Богдана Хмельницкого, который свыше трехсот лет назад совершил роковой поступок, граничащий с национальным предательством.

...Через несколько дней я устроился на работу, прописался и поселился в общежитии. Однако вскоре власти разведали, что я так называемый инакомысливший, "сую нос, куда не следует", даю читать Всеобщую декларацию прав человека и т.д. Начались следования. Дважды меня сажали в сумасшедший дом. Выгоняли с работы. Среди зимы выселили на улицу из общежития. Какой уж раз скамья на вокзале становилась моим прибежищем.

В моем паспорте записано: национальность — белорус, место рождения — гор. Бобруйск. Здесь жили мои родители, отсюда они ушли на фронт и не вернулись. Здесь же я, как круглый сирота, воспитывался в детском доме. Но теперь в этом городе для меня не нашлось ни кровя над головой, ни достойной работы. Власти предлагают мне уехать отсюда. Куда? "Хоть в Хабаровск, мы охотно выпишем тебе туда билет", — говорил мне Марат Тимофеевич Кузнецов, главный врач областной психиатрической больницы. Но ведь в пределах колючей проволоки, опоясавшей страну на многие тысячи километров, законы (а вернее беззаконие) везде одинаковы. Будь то в Хабаровске, Владимире или Бобруйске. С каждым днем этот город становится для меня не только все более чужим, но и враждебным. Я излечиваюсь от ностальгии.

Недавно я подал в Президиум Верховного Совета заявление с просьбой освободить меня от советского подданства и разрешить покинуть страну. Мне, простому рабочему, отказали и в этом. В праве, не подлежащем сомнению в цивилизованных странах.

Почему?

Я пытаюсь осмыслить причину такого отказа.

В Советском Союзе право на определение и выбор Родины тоже является монополией государства. По своему усмотрению власти одних лишают Родины, других объявляют ее изменниками, третьим отказывают в праве на выезд из страны.

Фактически и тех, и других наказывают за попытку самостоятельно решить вопрос: что такое моя Родина?

В давнее время, когда колючую проволоку еще предстояло изобрести, людей, несогласных с волей правителя или вождя, охранял конвой с копьями. Иногда, для пущей надежности, их заковывали в кандалы.

Но если человек все-таки бежал или пытался это сделать, то никому не приходило в голову обвинять его в измене Родине.

Иное дело сейчас. Наше государство определяет человеку Родину Указом Президиума. От сих до сих. А чтобы Указ был авторитетнее, — огораживают эту родину колючей проволокой с сигнализацией и выставляют конвой в зеленых фуражках, с автоматами и овчарками.

Согласно таким указам Президиума, молдаванин, к примеру, обязан считать далекие Курилы или Сахалин более родными местами, чем земля рядом, за Прутом. И не смей, человече, думать иначе, а то и в измене Родине недолго тебя обвинить!

Только чье Родина?

Нет, живые люди — не оловянные солдатики, они осмеливаются думать иначе. И изменяют Указам, не считая, что изменяют Родине. Своей Родине.

Родина... Сколько толкований у этого слова. Для одних — это чистая география, место, где родился. Но ведь человек может родиться в неволе или во враждебной среде. Тогда приспособление во всем. К чужой культуре, обычаям, языку. Духовная и физическая ассимиляция.

Но есть и те, кто, мечтая об исторической Родине, проносят свою любовь и мечту через годы и поколения. Один мой знакомый, молодой еврей из Минска, как-то сказал: "Если бы в Израиле жизнь была даже хуже, чем здесь, я бы все равно уехал туда".

Но может быть и еще одно толкование Родины. Не каждый, возможно, его приемлет, но оно есть.

Бог создал людей свободными и равными. И это изначальное стремление к свободе присуще людям всех наций и убеждений.

Духовная свобода, родство душ, а не только общность земли и крови, — вот что объединяет этих людей, независимо от их национальности. Лишив свободы, их тем самым лишают и Родины.

Не только интеллектуалы типа Герцена или Плеханова уезжали на Запад. Тысячи полуграмотных крестьян: русские, украинцы, белорусы, поляки в поисках Родины заселяли необжитые земли в далекой Канаде и других странах.

Люди десятков разных национальностей и религиозных убеждений, свободно обединившись, создали себе новую Родину — Соединенные Штаты Америки. Тысячами устремляются туда и сейчас. Только из России немного. Колючая проволока и автоматы на вышках — неодолимая преграда.

Как и много лет назад, Россию покидают или хотят покинуть те, у кого украдли Родину...

25 марта 1978 г.

Сначала на М.Кукобақу — неисправленного сумасшедшего домом — пытались дать административно, вышвырнув с работы и оставив без куска хлеба. М.Кукобақа рассказывает:

По предложению директора ТЭЦ-2 Корулина и при содействии начальника цеха Папкова А.Ф. завком единогласно санкционирует мое увольнение. Но здесь произошла осечка. Группа рабочих составила письмо-протест в мою защиту в редакцию газеты "Труд". Письмо подписало более половины цеха, комсомольцы и несколько коммунистов во главе с комсоргом и партторгом цеха. Трудно объяснить, чем был вызван этот стихийный протест, уникальный в наших условиях, особенно если дело касается человека, подобного мне. Возможно, стеченье каких-то обстоятельств. Нельзя сбрасывать со счета и то, что когда люди слушают передачи радио "Свобода" или "Голос Америки" и т.д. о репрессиях против честных людей в нашей стране, то это звучит как-то абстрактно и не всегда правдоподобно для "среднего" человека. Другое дело, когда здесь, прямо на глазах, абсолютно здорового и, по-видимому, неглупого человека вдруг увозят в судом. Вот этот наглядный урок агитационного воздействия стоит многих часов различных радиопередач. На мнение рабочих не смогло даже повлиять давление со стороны местного КГБ, которое пыталось вмешаться в этот чисто трудовой конфликт (видимо, не совсем "чисто трудовой").

Тогда летом 1978 г. в Бобруйске у многих друзей и знакомых М.Кукобаки были произведены обыски. Были изъяты принадлежащие ему рукописи, книги, магнитофонные ленты, переписка. 19 октября 1978 г. М.Кукобаку арестовали. Институт им Сербского, тот самый, где был поставлен диагноз "параноидная шизофрения", на этот раз признал Михаила здоровым и вменяемым. В июне 1979 г. М.Кукобаку судили в Бобруйске все по той же статье о "распространении клеветнических измышлений".

М.Кукобака виновным себя в совершении преступлений не признал. На суде он заявил пожалуй уникальное даже в истории советских политических процессов ходатайство о расширении обвинения:

В обвинительном заключении сказано, что я занимался преступной деятельностью с лета 1977 года до октября 1978 г. (т.е. около 15 месяцев). Я категорически возражаю как против самой квалификации моего поведения, так и ограничения его указанным временем.

Я ходатайствую, чтобы обвинение, предъявленное мне за вышеуказанный период, было распространено не менее чем на 11 последних лет. Свое ходатайство мотивирую следующим:

Данное обвинение не является одиночным, изолированным фактом в моей биографии, как это пытаются выдать органы КГБ. Мои взгляды, которые изображаются в материалах обвинения как "заведомо ложные измышления", сформировались у меня свыше 11 лет назад. И на протяжении 11 этих лет, я везде отстаивал свои убеждения как устно, так и в письменной форме.

За свои убеждения я отбыл уже на сегодняшний день 7 лет в советских тюрьмах, хотя и впервые предстал перед формальным судом. Попытки "приуменьшить" мою так называемую вину вызваны желанием КГБ обойти тот факт, что я постоянно подвергался преследованиям со стороны властей за свои убеждения.

Суд приговорил Михаила к трем годам лагерей — максимум по этой статье. М.Кукобака попал в один из белорусских лагерей. Сидел он трудно: карцер за карцером, тяжелая работа, болезнь, отсутствие медицинской помощи. Вскоре М.Кукобаку в порядке устроежения наказания переводят в Елецкую тюрьму, и там его жизнь становится уже

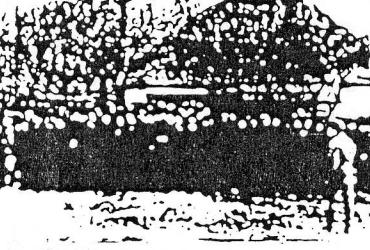
совсем невыносимой. М.Кукобака попадает в пресс-камеру — камеру, где сидят купленные администрацией уголовники, которые за соответствующую мзду избивают неугодных. Теперь к ним бросили Михаила.

Здесь нужно остановиться, ибо писать об этом трудно. Что такое быть запертым в четырех стенах с несколькими озвевшими уголовниками, которых освободили от груза совести — это читатель должен вообразить себе сам. Кажется, что выдержать это невозможно. М.Кукобака выдержал и не покаялся. Тогда его прямо в тюрьме арестовали снова и снова судили за клевету. Свидетелями на этот раз выступали опять же уголовники. Кукобаке добавили еще 3 года. После этого след его пропал. В октябре 1984 г. он должен был освободиться.

Прошел октябрь, но М.Кукобаку так никто и не увидел. Лишь с большим опозданием пришла весть — его арестовали опять. Когда М.Кукобака прибыл в пермский политический лагерь, стало известно, что произошло, благо из политического лагеря вести все еще просачиваются.

Михаил Кукобака был на этот раз обвинен в антисоветской агитации и пропаганде и приговорен к максимальному по этой статье наказанию — 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. Год с лишним он уже отсидел — впереди еще 6 лагерных лет, а там — либо ссылка, либо, кто знает, новый арест.

По крайней мере он сейчас среди своих — среди таких же, как он политзаключенных, не в сумасшедшем доме и не среди уголовников. ●

ВЕСТИ ИЗ СССР USSR NEWS BRIEF LIST OF POLITICAL PRISONERS IN THE USSR 30 ОКTOBER 1985	ВЕСТИ ИЗ СССР USSR NEWS BRIEF СПИСОК ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР ВЫПУСК 7 ПО СОСТОЯНИЮ НА 30.10.1985
---	---

Издательство "Страна и мир" опубликовало на русском и английском языках "Список политзаключенных СССР", выпуск 7 (по состоянию на 30 октября 1985 г.). В списке приведены основные биографические сведения о 837 политических заключенных, известных поименно, указано место заключения, сообщаются сведения о семье. Даны фотографии многих политзаключенных.

К списку приложен справочный материал: таблица статей Уголовных кодексов союзных республик, применяемых к политзаключенным, фотографии и планы основных мест заключения, таблицы официальных индексов мест заключения, сведения о режиме содержания заключенных.

Стоимость "Списка" — 30 н.м., вне Европы 12 долл. (включая пересылку авиапочтой), в Австралии и Новой Зеландии — 13 долл.